

Глава 2: Второй поклон

Под ледяным взглядом из глубины экипажа Жун Цзюнь застыл как вкопанный. Подчиненный начальника, выйдя из оцепенения, впервые посмотрел на него со смесью благоговения и опаски.

«Этот парень, должно быть, объелся медвежьих сердец и леопардовой желчи, раз набрался такой дерзости! Или он повредился рассудком, когда грохнулся в обморок, перепугавшись лошади?»

Жун Цзюнь без тени смущения повторил:

— Я, Сун, желаю признать вас своим Крестным отцом.

Система вздохнула: «Малыш Жун, у меня сейчас пальцы на ногах от стыда подождутся. Прямо-таки Висячие сады в ботинках выкопаю».

— Развлекайся, — отозвался он, — только в моей коре головного мозга не ковыряй.

Наконец из кареты донесся голос:

— Хочешь признать отца? — Тон мужчины не был тяжелым, но у всех присутствующих, включая его подчиненного, внезапно екнуло сердце.

Жун Цзюнь не стал исключением. Это давящее чувство исходило не только от ауры высокопоставленного чиновника, но и от мощи мастера боевых искусств. За годы трансмиграции Жун Цзюнь повидал немало умельцев, летающих по крышам, и такая утечка внутренней энергии ясно давала понять: сила этого человека была запредельной. Это лишний раз подтверждало, что рассказы о его «травмах» — полная чушь.

Давление было направлено прицельно на него. Если он попытается удержать спину прямой, то сотрет зубы в порошок. Но согнуться — значило почти встать на колени. У мужчины «под коленями золото» — он не может преклоняться, зато может прогнуться.

Жун Цзюнь попросил Систему помочь ему и заранее выгнул позвоночник в обратную сторону:

— Да, Крестный отец!

Главный распорядитель слегка опешил. Он видел всяких людей, но таких бесхребетных — никогда. Мгновение спустя занавеска опустилась, и изнутри донесся равнодушный голос:

— Прошлый случай был случайностью, не принимай близко к сердцу.

«Героическая» попытка обрести отца была безжалостно отвергнута. Колеса кареты заскрипели, продолжая путь. Горожане, убедившись, что экипаж Комитета Распорядителей

скрылся, облегченно выдохнули. Глядя на пошатывающегося Жун Цзюня, они бросились врассыпную — разносить по городу эту взрывную сплетню.

— Кто это был? — спрашивали опоздавшие.

— Сын Первого министра! Он прямо на улице...

Внутри кареты блеснула сталь — подчиненный вложил меч в ножны и сел.

— Мне разобраться с этим? — он кивнул в сторону улицы. Бу Сянь, занимавший не последнее место в Комитете, знал, как заставить толпу замолчать.

Он усмехнулся: — Вы прилюдно заявили, что не имеете претензий по случаю с лошадью. Если Первый министр Жун все же отправит сына в дом Великого наставника Су, Император точно заподозрит неладное.

В политике создание клик ради личной выгоды было главным табу. Бу Сянь не упустил случая поглумиться над трусостью парня:

— Видали, как пацан струхнул? Признал вора отцом прямо на людной улице.

Главный распорядитель тихо взглянул на него.

— Признал вора отцом... — повторил он.

Бу Сянь, будучи выходцем из простых вояк с ограниченным словарным запасом, не стал поправляться и неловко сменил тему: — Парню повезло. Он случайно дал всем выход из ситуации. Но он все еще «темная лошадка». Может, стоит припугнуть его еще раз?

Ответ был ледяным:

— Не нужно. Он скоро будет мертв.

Бу Сянь опешил. Он глянул в окно и заметил подозрительную тень, следовавшую за юношей.

— Если бы не инцидент с лошадью, Первый министр планировал женить на дочери семьи Су другого сына, — бесстрастно произнес Распорядитель. — Теперь, когда жених сменился, кто-то явно будет недоволен.

Например, нынешняя хозяйка резиденции Первого министра. Бу Сянь все понял и даже злорадно ухмыльнулся.

Жун Цзюнь шел, то останавливаясь, то ускоряясь. После того акробатического «поклона» он совсем выдохся и решил не тащиться в поместье, а вздремнуть где-нибудь в тишине. Официант в ресторане при виде него едва не выронил поднос:

— Молодой... молодой господин Жун!

Заметив бурную реакцию и отсутствие вывески у заведения, Жун Цзюнь догадался:

— Это то самое место, где я разнес мемориальную арку?

— ...Вывеску.

Не дав официанту договорить, Жун Цзюнь величественно скомандовал:

— Самую лучшую отдельную комнату мне.

Его проводили в роскошный зал на верхнем этаже с видом на реку Цинь. Как только дверь закрылась, он сбросил туфли и завалился на кушетку. Система ушла в режим ожидания [zZZ~].

Спустя какое-то время через окно в комнату неуклюже пробрался человек. Увидев беззащитного Жун Цзюня, незваный гость злобно оскалился и приготовился подсыпать яд в чай.

«Вини свою удачу, парень. На том свете не забудь упомянуть имя жены Первого министра».

Правый Первый министр хотел задобрить Императора браком с Су, а заодно загладить вину перед покойной первой женой. Но нынешняя супруга была против: с поддержкой семьи Су этот мальчишка мог доставить ей проблем в будущем.

Как только отравитель подошел к столу, Жун Цзюнь резко открыл глаза. Система, даже в режиме ожидания, активировала протокол защиты: тревога срабатывала, если живое существо приближалось ближе чем на три метра. Убийца в ужасе спрятался за ширму.

Жун Цзюнь увидел лишь пару вьющихся комаров, чертыхнулся и снова заснул. Через пару минут ситуация повторилась: шаг — открытые глаза — отступление. Терпение убийцы лопалось. Он не был профессионалом: жена министра решила нанять мужа той самой женщины, которую Жун Цзюнь донимал на улице. Так убийство выглядело бы как кровная месть, не бросая тени на поместье.

Жун Цзюнь тоже был не в духе.

— Слишком много комаров у реки, — пробормотал он. — Лень вставать и закрывать окно.

Наконец он заставил себя подняться. Порыв ветра донес странный запах. Жун Цзюнь прищурился, глядя на ширму. Убийца понял, что раскрыт. В панике он сообразил: если он

просто сбежит, его казнят. И тут его посетило «озарение».

Он выплеснул яд в окно, выскочил из-за ширмы и закричал:

— Помогите! Убивают! — после чего схватил вазу и со всей силы ахнул себя по голове.

План был прост: любой изнеженный господин сбежал бы в ужасе, и тогда его можно было обвинить в нападении. Система, материализовавшись в виде любопытного сгустка, спросила: «Ты что творишь?»

От неожиданности и дикого стресса у «убийцы» прихватило сердце. Система, заметив следы яда на его руках, решила «помочь» и слегка скорректировала угол удара вазы.

Глухой удар. Кровь брызнула на пол. Киллер рухнул замертво.

Жун Цзюнь: «...Это он зачем?»

Система: «Я тоже об этом спросила. И всё, кончился человечек».

На крики прибежал официант. Увидев кровь, сочащуюся из-под двери, он заверещал так, что заложило уши. Когда дверь выломали, подозрение пало на единственного выжившего в комнате: этот проклятый гуляка начал убивать людей!

Жун Цзюнь мешком осел на кушетку.

Система: «Малыш Жун, две минуты назад ты мог выкинуть труп в реку и выйти сухим из воды».

Жун Цзюнь зевнул: — Слишком много возни. Скрывать улики — это труд. А в тюрьме, надеюсь, меня хотя бы не будут будить.

В Комитете Распорядителей всегда было мрачно. Когда Жун Цзюня привели на допрос, его не испугал ни запах крови, ни трупы под белыми простынями. Настоящее давление исходило от Главного Распорядителя, который лично присутствовал на допросе, попивая чай с закрытыми глазами.

Бу Сянь, собиравшийся напугать парня тишиной, поперхнулся, когда Жун Цзюнь завел театральное:

— О, господин, я несправедливо обвинен!

— Не ори! — рявкнул Бу Сянь. — Погибший — муж женщины, к которой ты приставал. Свидетелей нет. Кто его убил, призрак?

Для Бу Сяня это был идеальный шанс закрыть дело и сорвать свадьбу. Но Жун Цзюнь вдруг сменил тон на спокойный:

— Чтобы судить, нужно хотя бы понять причину смерти. Я все-таки сын министра. Вешать на меня дело, не разобравшись, — не слишком ли легкомысленно?

Вышел коронер — высокий, суровый мужчина, который был не только врачом, но и мастером боевых искусств. Жун Цзюнь вдруг бросился на него, якобы в приступе гнева. Коронер перехватил его запястье и замер.

Пульс был нитевидным, слабым. В организме годами копился редкий яд. Этот парень был «сломанной стрелой» — он едва ли мог придушить курицу, не то что размозжить кому-то голову вазой.

Коронер почти выругался про себя: «Зачем ты посвящаешь меня в такие тайны? Докладывать или нет? Насколько глубоко это болото?»

Он шепнул пару слов Бу Сяню. Тот нахмурился и подошел к Главному Распорядителю.

Тот открыл глаза и впервые внимательно посмотрел на Жун Цзюня.

— Сюэ Жэнь никогда не ошибается в пульсе, — спокойно произнес он. — Твои органы изъедены хроническим ядом, силы на исходе. Неудивительно, что тебя вырубил слабая женщина при попытке похищения.

Все в зале замерли.

— Смертоубийство — это тяжелый физический труд, — Распорядитель пригубил чай. — Похоже, тебя действительно оклеветали.

Жун Цзюнь низко поклонился:

— Спасибо, мой Лорд, за вашу проницательность. Вы спасли простого человека. — Он снова сложил пальцы в жесте почтения. — Помня о ваших внутренних травмах, я чувствую вину. Если не побрезгуете, я готов стать вашим приемным сыном и служить вам верой и правдой.

Распорядитель рассмеялся. Это был искренний смех.

— Правый Первый министр может не согласиться.

Жун Цзюнь парировал: — Он может быть на вторых ролях. Считайте, что меня просто воспитал «маленький папочка» до вашего появления.

В зале повисла тишина. Распорядитель хлопнул в ладоши:

— Хорошо. Редко встретишь такую сыновнюю почтительность.

Система была в шоке: «Малыш Жун, как вы так быстро спелись? У меня ИИ виснет».

Жун Цзюнь лениво ответил: «Просто берем друг от друга то, что нужно».

Теперь все увидят: сына министра годами травили в собственном доме. Сын так напуган, что бежит к врагу отца за защитой. Это идеальный повод для импичмента Правого Первого министра.

Жун Цзюнь посмотрел на своего нового «папашу». Красивый, властный, опасный.

— О чем думаешь? — спросил Распорядитель.

— О том, что одежда лучше новая, и люди — тоже. Большой Папочка — самый лучший. Родителей надо менять почаще; свежие всегда лучше старых.

Распорядитель снова рассмеялся. Жун Чэнлинь вырастил весьма интересного сына. Бу Сянь же не смеялся. Он представлял физиономию Правого Первого министра, когда до того дойдут новости. Это будет зрелище, ради которого стоило жить.

<http://bllate.org/book/15777/1436278>